

О. Г. Усенко*
Тверской государственный
университет, г. Тверь

МОНАРХИЧЕСКОЕ САМОЗВАНЧЕСТВО В РОССИИ XVII–XVIII ВЕКОВ КАК ФРОНТИР

В научный оборот понятие «фронтир» ввёл в 1899 г. Фредерик Джексон Тёрнер (США). Первоначально этим словом обозначалось особое *географическое* пространство, лежащее между государственными границами или же вообще вне таких границ, где встречаются и контактируют представители разных цивилизаций, культур, этносов, конфессий и других социальных общностей.

В дальнейшем термин «фронтир» стал трактоваться более широко – как любое пограничье (порубежье) без чёткой демаркации. И в этом смысле он вполне применим к области *умозрительного* («ментальному пространству»), например, для маркировки сферы пересечения «своего» и «чужого», прошлого и настоящего, старого и нового, мужского и женского, прекрасного и безобразного, высокого и низкого и т. д.

Другими словами, фронтир – это область неустойчивого равновесия (гомеостаза) взаимодействующих противоположностей или просто разнородных объектов и явлений¹.

Именно в таком – широком – понимании я буду использовать указанное понятие при анализе российского монархического самозванчества XVII–XVIII вв.

По моим подсчётам, в Российском государстве с 1601 г. по 1800 г. включительно действовали 147 лжемонархов (в XVII в. – 29, в XVIII в. – 118)². При этом среди них было всего 8 женщин (5%).

Соотношение россиян и иностранцев. 128 лжемонархов (87%) были российскими подданными. Иностранцами являлись 19 чел. – исключительно мужчины.

Конфессиональный состав лжемонархов. Общая доля христиан составляла 97% (143 чел.), при этом явно преобладали православные – 123 чел. (86% всех самозванцев-христиан). Второе место было за лютеранами (7 чел.), а третье – за представителями армяно-григорианской церкви (2 чел.). По одному самозванцу «делегировали» униаты и католики, а насчёт остальных 9 членов этой группы что-либо конкретное сказать нельзя.

Нехристиане представлены мусульманином и двумя «язычниками» (об одном самозванце данных нет).

* **Усенко Олег Григорьевич**, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Тверского государственного университета

Этнический состав лжемонархов. Если под национальностью разуметь «родную» для индивида культуру и учитывать при этом, что необходимой информации о двух самозванцах нет, то картина будет следующей. К восточным славянам точно или предположительно относились 116 чел. (79%), среди которых можно распознать 85 русских и 11 украинцев. Следующие по численности группы – это немцы (5 чел.), поляки, французы и армяне (по 2 чел.). Лишь по одному самозванцу, по всей видимости, были представлены евреи, греки,

грузины, «волохи», финны, шведы, датчане, «самоеды», каракалпаки, персы. Ещё 8 чел. отнесены к условной группе «не восточные славяне».

Диалектика свободы и зависимости. Когда человек становился лжемонархом, это в первую очередь был его личный, индивидуальный выбор. Но не всегда этот выбор он делал автономно – нередко самозванец рождался под чужим влиянием или даже прямым давлением.

Например, самооценка потенциального самозванца могла измениться после замечаний окружающих о его сходстве с тем или иным российским правителем.

Емельян Пугачёв показывал на допросах, что идея самозванства овладела им после того, как он от разных людей услышал о своём подобии Петру III³.

Точно также в 1796 г. стал «императором» Семён Петериков – после того, как двое крестьян сообщили ему, что его лицо сходно с изображением Петра III на рубле⁴.

В России XVII–XVIII вв. бывало и так, что человек начинал осознавать себя членом высочайшей фамилии в результате прямого убеждения со стороны – в том числе со стороны другого лжемонарха, уже обретшего сторонников.

Самооценку казачьего «бурлака» Лариона Стародубцева изменил Тимофей Труженик – «царевич Алексей Петрович» (1732 г.). После соответствующей обработки Стародубцев стал «царевичем Петром Петровичем»⁵.

То, что Ипполит Опочинин увидел себя «сыном императрицы Елизаветы» (1768 г.), было заслугой отставного корнета И. Батюшкова⁶.

Василий Бунин принял образ «Петра III» (1787 г.), уступив доводам и напору Марьи Тюменевой, которая при этом навязалась ему в двоюродные сёстры⁷.

Бывало и так, что самозванцы, у которых были поначалу корыстные или вполне достойные, но приземлённые цели, после общения с народом изменяли свои планы и превращались в «народных заступников».

Например, Е. Пугачёв собирался поначалу увести яицких казаков на Кубань, однако под влиянием последних изменил свой замысел и возглавил восстание против их притеснителей, а заодно и против своих «личных» (т. е. Петра III) врагов⁸.

Григорий Зайцев – «цесаревич Павел Петрович» (1783 г.) – вначале

[с. 20]

собирался «шататься по разным селениям» Левобережной Украины, пить и есть задаром, но после общения с казаками пообещал им упразднить подушный оклад⁹.

Сплав игры и повседневности. Когда лжемонарх впервые «проявлялся» (представал на публике в своей мифической ипостаси), то благополучный для него исход – пребывание на свободе и даже обретение сторонников – имел место лишь в том случае, если он сразу принимал «правила игры», которые хранились в народном сознании. Речи, облик, поведение и образ жизни лжемонарха должны были соответствовать фольклорным представлениям о «праведном государе». При этом успехи в уподоблении себя изображаемому персонажу помогали самозванцу «забыться», на время поверить в «подлинность» своих притязаний. В результате для него актёрство обретало жизненный смысл, а «настоящая» жизнь превращалась в подобие спектакля.

У того же Е. Пугачёва одним из постоянных средств самоутверждения в роли «Петра III» были разговоры о царевиче Павле как его сыне и «воспоминания» о нём, во время которых самозванец нередко плакал. Кроме того, за столом он постоянно провозглашал тосты за здоровье Павла и его жены, великой княгини Натальи Алексеевны¹⁰.

Иев Мосякин – тоже «Пётр III» (1774 г.) – даже во время ночных молитв «проговаривал... чтоб ему видеть сына своего Государя Павла Петровича». При этом в быту он позволял себе поистине царские вольности. Вот что вспоминал на допросе его соратник-слуга Р. Алексеев:

«И как он, Мосякин, умывался, то ту воду давал пить... Родиону неоднократно и проговаривал то, что которую де водою царь умываетца, и оную де воду назем не выливают. И он, Родион, ту воду и пивал»¹¹.

Бывало и так, что самозванец, играя, вредил сам себе, – как, например, Матвей Леонтьев (Дидьянец) в 1682 г.

Проживая в Москве под видом «грузинского царевича» и получая положенное по статусу «государево жалованье корм», он тем не менее возжелал большего. Он сообщил мятежным стрельцам, что «будто он слышал в Верху, якобы все бояря хотят всех стрельцов... перевести и разными смертьми их помучити». Но извет обернулся против него: «По указу бо великих государей... вземше того царевича в застенок. И пытан быв, повинился, что он такого слова у бояр не слышал и затеял напрасно для того, что де ему корму мало и честь не великая, а естли бы по его совету злomu что учинилось, чаял бы себе честь прияти большую. Но муж сей... за тое... четвертован бысть...»¹²

Инверсия двух реальностей – игровой и повседневной – преображала жизнь и сторонников лжемонарха. Если он признавался ими в качестве «подлинного государя», то у него появлялась постоянная свита, ему начинали нести подарки и, наконец, между ним и всеми, кто его поддерживал, устанавливались отношения почитания/властвования, копирующие

[с. 21]

отношения между реальным правителем и его подданными. Лишь в системе этих связей «игрокам» было психологически комфортно.

Е. Пугачёв и его ближайшие соратники пытались воссоздать и ту бытовую обстановку, и ту географическую среду, которая, как они считали, была привычна для Петра III и его двора. По воле «императора» И. Зарубин-Чика стал «графом Чернышёвым», М. Шигаев – «графом Воронцовым», А. Овчинников – «графом Паниным». Помимо этого, самозванный Пётр III переименовал ряд населённых пунктов: Сакмарский городок стал «Киевом», крепость Каргале – «Петербургом», а Берда – «Москвой»¹³.

Порубежье «нормальности» и «психопатологии». Вообще граница между психической «нормой» и «патологией», как показывают сравнительные исследования, исторически изменчива и культурно обусловлена. То, что привычно для представителей одной общности или эпохи, может быть неприемлемым для членов другого социума, и наоборот¹⁴.

В России XVII–XVIII вв. встречались лжемонархи, чьи речи и поведение, на современный взгляд, свидетельствовали о наличии у них «психических отклонений».

Взять, например, Ивана Клеопина – «царевича Алексея Алексеевича» (1671 г.). Во время периодических приступов буйства он «за людьми гонялся, и в лес бегивал ... и сам ножом резался, и платье на себе драл»¹⁵.

К «помешанным в уме» возможно отнести Ивана Васильева – «сына Ивана Грозного» (1690 г.). Вот что он говорил на допросе: «Зовут де ево Ивашком, а отец у него был царь Иван Васильевич, а был де он царём на Москве тому ныне лет со сто, а он де родился от него... а крестил де он себя сам, а живёт де он на небесах, и ходит де он на небеса в дирю, а принимают де ево англии...»¹⁶

Проблема в том, что наши оценки далеко не всегда совпадают со взглядами на самозванцев их современников. То, что И. Клеопин с И. Васильевым были официально признаны «умовреженными», вызывает у нас понимание. Но не понятно, почему такой же вердикт не был вынесен, к примеру, Тимофею Кобылкину, который в 1697 г. стал играть роль путешествующего по стране Петра I. Есть свидетельство, что ранее «он, Тимошко, сходил с ума и был безумен многое время...» Его письмам присущи нелогичность и сумбурность. К тому же сам он считал, что его рукой водят сразу три небожителя – Михаил

Архангел, Николай Чудотворец и царевич Дмитрий¹⁷.

Случалось и так, что самозванец, который нам кажется вполне «нормальным», в глазах современников был «умоврежденным».

Хрестоматийный пример – Кондратий Селиванов, основатель секты скопцов, Лжемессия и «Пётр III». После восшествия на престол Павла I самозванец послал ему письмо и даже встретился с ним лично – в образе «Петра III». За это он и был отправлен в дом умалишённых¹⁸.

Однако в ряде случаев и у современников самозванца бывали разногласия

[с. 22]

по поводу его психического состояния. Взять Ивана Дирикова – «сына Петра I» (1742 г.): императрица нашла его «помешанным в уме», а начальник Тайной канцелярии А. И. Ушаков – психически здоровым¹⁹.

Диалектика мирского и сакрального. Монархическое самозванчество в России XVII–XVIII вв. было, с одной стороны, зоной пересечения двух миров – земного и небесного, а с другой стороны, путём, ведущим из-под власти Господа под власть Сатаны.

17 лжемонархов (12%) «похитили» также духовные звания: 2 чел. видели себя священнослужителями, а прочие – святыми, пророками, апостолами, архангелами и даже богами.

У многих самозванцев и их сторонников бывали «знамения» – мистические контакты с потусторонними силами.

Так, Иван Миницкий – «царевич Алексей Петрович» (1737 г.) уверовал в своё высокое происхождение и вступил на стезю самозванства потому, что ему так велел являвшийся во сне Иисус Христос²⁰.

Можно предполагать, что переход К. Селиванова в лжемонархи был обусловлен, помимо прочего, четырьмя «видениями» бога в Иркутске²¹.

Одним из факторов признания Антона Асланбекова в качестве «Петра III» (1763 г.) однодворцами Обоянского уезда стало известие о том, что у одного из них на поле было соответствующее «видение» во сне²².

Итак, вступление индивида на стезю монархического самозванства, а также решение поддержать лжемонарха могли рассматриваться как исполнение божественной воли. Но в случае разоблачения и самозванец, и его сторонники оказывались уже пособниками дьявола.

Дело в том, что понятие «самозванец» для россиян XVII–XVIII вв. стояло в одном ряду с понятиями «колдун», «ведьма», «кромешник» и т. п. Не случайно Лжедмитрий I после смерти воспринимался как «еретик» и «чернокнижник», а его деяния были осмыслены как антиповедение – сатанинская потеха²³.

Многие лжемонархи и их последователи после своего ареста осознавали, что «благими намерениями дорога в ад вымощена», и начинали каяться.

И. Клеопин своё самозванство оправдывал «наветом дьявольским»²⁴.

Е. Пугачёв на допросе намекнул, что им руководила тёмная сила, поскольку признался: «...Остервенела его скаредная душа до того, что какие он злодействы ни делал, то не ощущал в себе человеческого сожаления, а тем меньше – раскаяния...»²⁵

Пограничье добра и зла. Для лжемонархов был чрезвычайно актуален выбор между добродетелью и грехом. Строго говоря, любое самозванство подразумевает ложь и обман, а значит является отступлением от морали. Но дело ещё и в том, что самозванец, «похитивший» чужое имя, превращался в богоотступника.

Поскольку он, по мнению А. М. Панченко, отказывался от крестного

[с. 23]

имени, то «терял» ангела-хранителя и «автоматически попадал в бесовские сети. Такой отказ аннулировал крещение, в частности, то место из чина крещения, в котором говорится об отречении нового христианина от дьявола»²⁶.

И всё же нельзя сказать, что все лжемонархи отдавали себе отчёт в глубине своего грехопадения. Более того, не в каждом следственном деле есть и открытое признание обвиняемого, что уже самим фактом самозванства он совершил грех.

Далеко не все лжемонархи осознавали и то, что они – обманщики. Некоторые искренне заблуждались на свой счёт и даже после суда уверяли, что они – действительно те, за которых себя выдают. Для таких «блаженных» самозванство было чем-то естественным и потому – добродетелью, и лишь со стороны виделась вся иллюзорность этой оценки.

Пример того, насколько сильной могла быть вера самозванца в тождество его и персонажа, роль которого он играл, являет Илья Коровин – «царевич Пётр» (1605/1606 г.). Даже на виселице он «говорил кругом стоящему народу, что он перед его царским величеством не совершил преступления, заслуживающего смертной казни, что его преступление состоит только в том, что он выдавал себя за сына Феодора Ивановича, что он на самом деле его сын и за это убеждение готов умереть...»²⁷

Иллюзорной добродетелью могла быть и поддержка пришлого самозванца. В самом деле, разве помощь «прямому государю», когда тот скрывается или нуждается в чём-то, – это грех? Примерно так, очевидно, думали те, кто принимал на веру заявления самозванных монархов.

Однако можно утверждать, что отнюдь не каждый человек, выдававший себя за «настоящего» правителя и даже обещавший облегчить жизнь простых людей, получал их поддержку. А если всё же получал, то поддержка эта не была безусловной и безоговорочной²⁸.

И тут уместно вспомнить о случаях настоящей измены самозванцу, когда он терял свободу и попадал в руки властей при непосредственном участии его недавних сторонников. Такая участь, например, была уготована уже упоминавшимся Е. Пугачёву²⁹, И. Мосякину³⁰ и С. Петерикову³¹, а также другим «Петрам Ш» – Федоту Казину-Богомолу (1772 г.)³² и Николаю Кретову (1773 г.)³³.

Отметим, что недавние соратники самозванца, выдавая его властям, не расценивали это деяние как «измену», т. е. грех. Наоборот, оно было для них искуплением грехопадения (предыдущей поддержки самозванца).

В этом свете аморальным деянием предстаёт не только помощь самозванцу, но даже попущение ему – нежелание схватить его или хотя бы донести о нём. А такая снисходительность редкостью не была, иначе ни один лжемонарх не провёл бы на свободе и дня.

Пограничье лояльности и преступности. Попущение лжемонарху было не только грехом, но и тяжким правонарушением. Ещё более тяжким преступлением было собственно притязание на монарший статус и/или

[с. 24]

имя, ибо это было разновидностью государственной измены. Тем не менее поддержка самозванца в народе редкостью не была.

Во-первых, если самозванец был убедителен в роли «истинного государя» и его таковым признавали, то отныне для сподвижников самозванца подчинение и помощь ему были уже не актом их доброй воли, но священным долгом. Для таких «верноподданных» измена правящему – «ложному» – монарху оборачивалась лояльностью по отношению к

«подлинному государю».

Во-вторых, когда счёт сторонников самозванца шёл уже на десятки, сотни и тысячи, они позволяли себе расширять круг «верноподданных» с помощью угроз и насилия, действуя по принципу «Кто не с нами – тот против нас».

К примеру, в период Смуты существовала практика насильного привода к присяге на верность «царевичу Дмитрию». Аналогичная практика имела место во время Пугачёвщины, при этом её дополняли принудительные наборы в повстанческое войско.

Поэтому вполне естественно, что зачастую даже те, кто не верил самозванцу, но пребывал на подконтрольной ему территории, предпочитали быть лояльными ему, а не официальному властителю³⁴.

Надо сказать, что с активными выступлениями социального протеста были связаны всего 24 лжемонарха (16%), причём львиная доля их – 16 чел. – были героями Смуты. С участием самозванцев прошли 21 восстание, 2 бунта и одно волнение³⁵.

Ещё 8 лжемонархов были участниками движения «раскола» (7 «староверов» и 1 сектант).

Для случаев, когда монархическое самозванчество оказывалось формой социального протеста, было характерно то, что проявлением лояльности оказывалась и, так сказать, обычная, повседневная преступность. Участие лжемонарха в движении социального протеста было для восставших гарантией справедливости и законности их деяний – даже преступных, объективно говоря. И уж тем более грабежи и убийства врагов не считались преступлениями, если на это была санкция «подлинного государя».

В то же время самозванец и его сторонники были вынуждены соблюдать некие формальные процедуры, придававшие их расправам видимость законности.

Так, в ходе восстания И. Болотникова арестованных воевод отсылали в Путивль к «царевичу Петру» (И. Коровину), по указам которого и проводились их казни. Можно сказать, что мятежники действовали в соответствии с официальными нормами, раз признавали право знати на личный суд царя³⁶.

Е. Пугачёв своими «указами» повелевал придерживаться определённого порядка при осуждении человека на казнь. Подлежали смерти прежде всего те, кто упорствовал в своём нежелании покориться «Петру III». Однако казнь должна была совершаться «на основании законов» (т. е. повелений

[с. 25]

Пугачёва и норм обычного права), с чтением приговора, а главное – с народного согласия³⁷.

Ещё одной формой самозванческой лояльности было подчинение одного лжемонарха другому, если такая субординация соответствовала массовым представлениям об отношениях между теми персонажами, которых эти самозванцы играли.

Например, весной 1606 г. И. Коровин отправил в Москву гонца с письмом к Лжедмитрию I, прося разрешения прибыть в столицу. Получив от царя подорожную грамоту, И. Коровин двинулся в путь. Но вскоре он получил весть о смерти Лжедмитрия и повернул на Дон³⁸.

В ноябре 1607 г. к Лжедмитрию II под Брянск прибыл «царевич Фёдор» во главе отряда казаков. Он был обласкан Лжедмитрием и занял видное место при его дворе, но затем был им повешен³⁹.

Зимой 1607/1608 гг. гонцов к Лжедмитрию II послал и «царевич Иван-Август». Однако «Тушинский вор» объявил «Ивана-Августа» самозванцем. Тем не менее летом 1608 г. «царевич» с отрядом отправился в Тушино, где и был повешен⁴⁰.

Итак, можно заключить, что использование понятия «фронтир» при анализе явлений, растянутых во времени и пространстве, вполне оправданно и перспективно.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Замятина Н. Ю. Зона освоения (фронтир) и её образ в американской и русской культурах // *Общественные науки и современность*. 1998. № 5. С. 76–84; Боук Б. М. Фронтир или пограничье: Роль зыбких границ в истории донского казачества // *Социальная организация и обычное право*. Краснодар, 2001. С. 147–151; Каппелер А. Южный и восточный фронтир России в XVI–XVIII веках // *Ab imperio*. 2003. № 1. С. 47–49.

² Критерии подсчёта и дефиницию термина «лжемонарх (самозванец монархического типа)» см.: Усенко О. Г. Кто такой «самозванец»? // *Пути познания истории: новые подходы и интерпретации*. М., 2001; Он же. Кто такой «самозванец»? // *Вестник славянских культур*. [М.], 2002. № 5–6; Он же. Монархическое самозванчество в России в 1762–1800 гг. (опыт системно-статистического анализа) // *Россия в XVIII столетии*. М., 2004. Вып. 2. С. 300–302.

³ См.: Мавродин В. В. Рождение новой России. Л., 1988. С. 397; Андрущенко А. И. О самозванстве Е.И. Пугачёва и его отношениях с яицкими казаками // *Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России*. М., 1961. С. 147.

⁴ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 6. Оп. 1. Д. 554. Л. 4, 7 об.

⁵ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 187. Л. 7–7 об. См. также: Есипов Г. В. Люди старого века: Рассказы из дел Преображенского приказа и Тайной канцелярии. СПб., 1880. С. 419–420.

⁶ См.: РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 408. Л. 45 об., 62–62 об.

⁷ См.: РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2744. Л. 1 об.–2, 5 об., 24 об., 31 об., 42 об., 45 об., 79 об., 103 об.–104 об., 138 об.–139, 234–234 об., 237–237 об., 274, 280 об., 294–294 об.

⁸ Емельян Пугачёв на следствии. М., 1997. С. 104; Мавродин В. В. Указ. соч. С. 398, 401, 405–406.

⁹ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 542. Л. 15 об. –16, 72 об. –73.

¹⁰ См.: Чистов К. В. Русские народные социально-утопические легенды XVII–XIX вв. М., 1967. С. 162, 163, 169.

¹¹ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 528. Л. 6 об. –7.

¹² Россия при царевне Софье и Петре I: Записки русских людей. М., 1990. С. 121–122. См. также: Тихомиров М. Н. Русское летописание. М., 1979. С. 267.

[с. 26]

¹³ См.: Чистов К. В. Указ. соч. С. 167; Усенко О. Г. Психология социального протеста в России XVII–XVIII веков. Тверь, 1997. Ч. 3. С. 40–52, 70–73; Мауль В. Я. Социокультурное пространство русского бунта (по материалам Пугачевского восстания): Автореф. дис. ... док. ист. наук. Томск, 2005. С. 25–32; Он же. Харизма и бунт: Психологическая природа народных движений в России XVII–XVIII веков. Томск, 2003. С. 107–139.

¹⁴ См.: Менделевич В. Д. Психиатрическая пропедевтика. М., 1997. С. 253–269; Личность, культура, этнос: современная психологическая антропология. М., 2001. С. 339–404.

¹⁵ Соловьёв С.М. Сочинения: В 18 кн. М., 1991. Кн. 7. С. 129. См. также: Лукин П. В. Народные представления о государственной власти в России XVII века. М., 2000. С. 124.

¹⁶ РГАДА. Ф. 210. Оп. 13 (Столбцы Приказного стола). Д. 1304. Л. 2; Лукин П. В. Указ. соч. С. 125–126.

¹⁷ См.: РГАДА. Ф. 210. Оп. 12 (Столбцы Белгородского стола). Д. 1613; Ф. 371. Оп. 2. Д. 482, 530; Лукин П. В. Указ. соч. С. 128–132 (увы, здесь в цитатах из источников много ошибок).

¹⁸ См.: РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2047, ч. 10. Л. 134, 521–521 об.; Д. 3083. Л. 24–24 об., 26; Мельников П. И. Материалы для истории хлыстовской и скопческой ересей... Б.м., б.г. Отд. 3. С. 85–86; Соловьёв Е. Сведения о русских скопцах, извлечённые из различных документов и рукописей. Кострома, 1870. С. 14; Майнов В. Н. Скопческий ересиарх Кондратий Селиванов // *Исторический вестник*. 1880. Т. 1. С. 762; Дубровин Н. Ф. Наши мистики-сектанты // *Русская старина*. 1895. Т. 84. Октябрь. С. 34; Овчинников М. П. Олекминские скопцы // *Сибирский архив*. Иркутск, 1911. № 2. С. 83.

¹⁹ Покровский Н. Н. Самозванный сын Петра I // *Вопросы истории*. 1983. № 4. С. 188.

- ²⁰ Чистов К. В. Указ. соч. С. 128; РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 192, ч. 1. Л. 10 об.
- ²¹ Айвазов И. Г. Материалы для исследования секты скопцов. М., 1916. Т. 1. С. 54; Мельников П. И. Указ. соч. Отд. 3. С. 85.
- ²² РГАДА. Ф. 349. Оп. 2. Д. 7086. Л. 478–478 об.
- ²³ См.: Успенский Б. А. Избр. тр. М., 1994. Т. 1. С. 88–93.
- ²⁴ РГАДА. Ф. 210. Оп. 13 (Столбцы Приказного стола). Д. 341. Л. 73, 75, 78.
- ²⁵ Емельян Пугачёв на следствии. С. 221.
- ²⁶ Панченко А. М. Русская культура в канун петровских реформ // Из истории русской культуры. М., 1996. Т. 3. С. 191.
- ²⁷ Восстание И. Болотникова: Документы и материалы. М., 1959. С. 191; Хроники Смутного времени. М., 1998. С. 240–241.
- ²⁸ См.: Усенко О. Г. Монархическое самозванчество... С. 334–335.
- ²⁹ См.: Емельян Пугачёв на следствии. С. 211; Мавродин В. В. Указ. соч. С. 448; Пронштейн А. П., Мининков Н. А. Крестьянские войны в России XVII–XVIII веков и донское казачество. Ростов н/Д., С. 331–336, 347.
- ³⁰ См.: РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 528. Л. 6–7, 16–17.
- ³¹ См.: РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 554. Л. 1, 6 об., 8; Мельников П. И. Указ. соч. Отд. 3. С. 22.
- ³² См.: РГВИА. Ф. 8. Оп. 5/94. Д. 72. Л. 12 об.; Мордовцев Д. Л. Самозванцы и понизовая вольница. СПб., 1886. Т. 1. С. 88–89; Дубровин Н. Ф. Пугачёв и его сообщники. СПб., 1884. Т. 1. С. 108.
- ³³ См.: РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 535. Л. 4, 12–12 об.
- ³⁴ См.: Восстание И. Болотникова. С. 198; Документы ставки Е. И. Пугачёва, повстанческих властей и учреждений: 1773–1774 гг. М., 1975. С. 41–46, 254, 383, 388–389; Крестьянская война 1773–1775 гг. в России: Документы из собрания Государственного исторического музея. М., 1973. С. 55–56.
- ³⁵ Об этих понятиях см.: Усенко О. Г. Психология... Тверь, 1994. Ч. 1. С. 7–8; Он же. Социальный протест в России до начала XX века: терминология и классификация // Из архива тверских историков. Тверь, 2006. Вып. 6: Сб. воспоминаний и науч. тр.: К 70-летию со дня рождения профессора М. М. Червяковой. С. 67–68.
- ³⁶ Скрынников Р. Г. Смута в России в начале XVII в.: Иван Болотников. Л., 1988. С. 156.
- ³⁷ Документы ставки Е. И. Пугачёва... С. 42.
- ³⁸ Смирнов И. И. Восстание Болотникова (1606–1607). Л., 1951. С. 368–370.
- ³⁹ Тюменцев И. О. Смута в России в начале XVII столетия: движение Лжедмитрия II. Волгоград, 1999. С. 112; Памятники Смутного времени: Тушинский вор: личность, окружение, время. М., 2001. С. 429; Хроники Смутного времени. С. 318.

[с. 27]

- ⁴⁰ Костомаров Н. И. Смутное время Московского государства в начале XVII столетия. М., 1994. С. 452–453; Смирнов И. И. Указ. соч. С. 244–253; Тюменцев И. О. Указ. соч. С. 60; Хроники Смутного времени. С. 332.

[с. 28]
